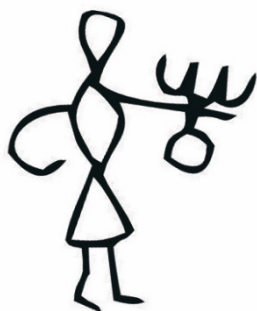

**СЛЕДЫ ЯВЛЕНИЙ И ПРОЦЕССОВ
В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ**

**TRACES OF CHANGES AND PROCESSES
IN ARCHEOLOGICAL OBJECTS**

Институт истории материальной культуры РАН
Institute for the History of Material Culture, RAS
Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities
Северо-Кавказский федеральный университет
North Caucasian Federal University
Пятигорский краеведческий музей
Pyatigorsk Museum of Local Lore

**СЛЕДЫ ЯВЛЕНИЙ И ПРОЦЕССОВ
В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ**

*Материалы международной научной конференции
(Пятигорск, 8-10 апреля 2024 г.)*

Ставрополь
2024

**TRACES OF CHANGES AND PROCESSES
IN ARCHAEOLOGICAL OBJECTS**

Proceedings of the International Conference
(Pyatigorsk, April 8-10, 2024)

Stavropol
2024

УДК 902/904
ББК 63.48 (2)

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

Ответственные редакторы
С.А. Яценко, Е.В. Куприянова

Рецензенты
проф. РАН, д.и.н. *А.В. Поляков* (ИИМК РАН)
чл.-корр. РАН, д.и.н. *П.Г. Гайдуков* (ИА РАН)

Следы явлений и процессов в археологических памятниках:
Материалы международной научной конференции (Пятигорск, 8-10 апреля 2024 г.) / Отв. ред. С.А. Яценко, Е.В. Куприянова. – Ставрополь: Печатный двор, 2024. – 282 с.: илл.

Traces of Changes and Processes in Archaeological Objects:
Proceedings of the International Conference (Pyatigorsk, April 8-10, 2024) / Ed. by S.A. Yatsenko, E.V. Kupriyanova. – Stavropol: Pechatnyi dvor, 2024. – 282 pp.: ill.

ISBN 978-5-6050599-7-4

В сборнике публикуются материалы докладов одноименной конференции, пятой в серии проводимых в разных городах учеными бывшего СССР. Она была посвящена малоизученным аспектам древних некрополей, а также следам различных процессов и явлений в археологии, связанных с нею естественнонаучных дисциплинах и в этнологии. В статьях, преимущественно аналитического характера, предложены новые подходы к изучению артефатов, сооружений и различных проявлений обрядности.

Сборник предназначен для археологов, этнологов, религиоведов и широкого круга гуманитариев.

УДК 902/904
ББК 63.48 (2)

ISBN 978-5-6050599-7-4

- © Институт истории материальной культуры РАН, 2024
- © Российский государственный гуманитарный университет, 2024
- © Северо-Кавказский федеральный университет, 2024
- © Пятигорский краеведческий музей, 2024
- © Авторский коллектив, 2024
- © Печатный двор, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>Яценко С.А.</i>)	12
<i>Алтынбеков К.К., Алтынбекова Э.К.</i>	
Глиняный декор дворца: консервация и реставрация резьбы по сырой глине из цитадели средневекового городища Кулан	13
<i>Бедельбаева М.В., Рогожинский А.Е., Новоженев В.А., Калдыбаева Г.А.</i>	
Петроглифы-символы как индикатор межкультурных контактов в древности и средневековье (по новым материалам из Северного Прибалхашья и Бетпакдалы)	25
<i>Берсенева Н.А., Маргарян К.Г.</i>	
Предметы культа в погребениях ранних кочевников Южного Урала: критерии и контекст	41
<i>Денисенко В.Л.</i>	
Кушаны в Малом Тибете	47
<i>Каверин С.И., Шмелев А.З.</i>	
<i>Эволюция погребальных памятников горцев Восточного Афганистана XIX–XXI вв.</i>	55
<i>Килуновская М.Е., Леус П.М.</i>	
Инокультурные инфильтрации в эпохи бронзы и раннего железа в Туве	69
<i>Климова А.Д.</i>	
Форма и орнаментация глиняной посуды как источник изучения истории Алакульского могильника	78
<i>Ковалев А.А., Идэрхангай Т.-О.</i>	
Ритуальные катакомбы жужаньского времени в кургане Дзулуунгийн ам 1: продолжение многовековой традиции общества ранних кочевников Монголии	91
<i>Куприянова Е.В.</i>	
Следы обрядов и ритуалов на зольниках бронзового века в Южном Зауралье	98
<i>Прокопенко Ю.А.</i>	
Захоронения коней в погребальной практике населения скифского времени Северного Кавказа как отражение древнейшей индоевропейской мифологической традиции Южного Урала	106
<i>Рафикова Я.В.</i>	

«Поза объятий» в парных погребениях западноалакульской и кожумбердынской культурных групп эпохи поздней бронзы Южного Урала	114
<i>Савельев Н.С.</i>	
Этнографические группы элиты ранних кочевников Южного Урала по данным могильника Филипповка	125
<i>Савенко С.Н.</i>	
К вопросу о символизации предметов инвентаря и обряде вторичных погребений в позднеаланских катакомбных захоронениях Центрального Предкавказья	134
<i>Семёнов А.В.</i>	
Новые находки атипичных предметов в составе погребального инвентаря поздне-скифского времени Тувы: результат конвергентного развития или следы межкультурных контактов	145
<i>Сиротин С.В., Богачук Д.С., Окороков К.С.</i>	
Предкавказские и донские параллели в уздечных наборах из курганов некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар» в Южном Приуралье	155
<i>Степанова Ю.В.</i>	
Некрополи XIV-XVII вв. как маркеры сельского расселения в Верхневолжье	169
<i>Суханов Е.В.</i>	
Новые экспериментальные данные об устойчивости навыков создания форм глиняных сосудов и перспективы их применения для исследования керамики из археологических памятников	177
<i>Таиров А.Д.</i>	
Курган Шихан (Уба-Тау): сооружение и разрушение	187
<i>Усманова Э.Р., Дмитриев Е.А., Паршин Ю.В., Панюшкина И.П.</i>	
Вещь-знак в «ландшафте смерти» погребального обряда Улуса Джучи (по материалам раскопок комплекса Карасуыр в Улытау, Центральный Казахстан)	197
<i>Учанева Е.Н., Малютина А.А., Бусова В.С.</i>	
Посмертные трепанации черепа в тесинское и таштыкское время (Минусинская котловина)	216
<i>Файзуллин А.А.</i>	
К вопросу о необходимости изучения рвов в курганах ямной культуры	224
<i>Ханутина З.В., Христановский В.А., Яценко С.А.</i>	
Позднеантичные святилища на Илуратском плато	233

<i>Черных Е.М., Перевозчикова С.А.</i>	
Намеренная порча предметов в погребальном обряде удмуртов XVIII–XIX вв.: забота об умершем или магия?	247
<i>Шестопалова Э.Ю.</i>	
Анализ погребальных сооружений алан средневековья	264
<i>Щербаков Н.Б., Шутелева И.А.</i>	
Темпоральность ландшафтов погребальных комплексов позднего бронзового века по материалам курганных могильников вокруг д. Усманово (Казбурун)	273
Список сокращений	281

Content

Preface (<i>Yatsenko S.A.</i>)	12
<i>Altynbekov K.K., Altynbekova E.K.</i>	
Clay Decor of Palace: the Conservation and Restoration of Wet Clay Carving from the Citadel of Medieval Kulan Hillfort	13
<i>Bedelbaeva M.V., Rogozhinskii A.E., Novozhenov V.A., Kaldybaeva G.A.</i>	
Petroglyphs-Symbols as an Indicator of Intercultural Contacts in Antiquity and the Middle Ages (Based on New Materials from the Northern Balkhash Region and Betpakdala)	25
<i>Berseneva N.A., Margaryan K.G.</i>	
Objects of Worship in the Burials of Early Nomads of the Southern Urals: Criteria and Context	41
<i>Denisenko V.L.</i>	
Kushans in Small Tibet	47
<i>Kaverin S.I., Shmelev A.Z.</i>	
Evolution of the Burial Monuments of the Highlanders of Eastern Afghanistan of the 19th-21th cc.	55
<i>Kilunovskaya M.E., Leus P.M.</i>	
Foreign Cultural Infiltrations in the Bronze Age and Early Iron Age Tuva	69
<i>Klimova A.D.</i>	
The Shape and Ornamentation of Pottery as a Source for Studying the History of the Alakul Burial Ground	78
<i>Kovalev A.A., Iderkhangai T.-O.</i>	
Ritual Catacombs of the Zhuzhan Period in the Dzulungiin am 1 Mound: Continuation of the Centuries-Old Tradition of the Society of Early Nomads of Mongolia	91
<i>Kupriyanova E.V.</i>	
Traces of Rites and Rituals on the Ash Hills of the Bronze Age in Southern Trans-Urals	98
<i>Prokopenko Yu.A.</i>	
Horse Burials in the Burial Practice of the Scythian Time Population of North Caucasus as a Reflection of the Oldest Indo-European Mythological Tradition	106
<i>Rafikova Ya.V.</i>	
"Embrace Pose" in the Paired Burials of the West Alakul and Kozhumberdy Cultural Groups of the Late Bronze Age of Southern Urals	114

<i>Saveliev N.S.</i>	
Ethnographic Groups of the Elite of Early Nomads of the Southern Urals after Filippovka Burial Ground Materilas	125
<i>Savenko S.N.</i>	
On the Problem of Symbolization of Artifacts and the Rites of Secondary Burials in the Late Alanian Catacomb Graves of the Central Caucasus	134
<i>Semenov A.V.</i>	
New Finds of Atypical Objects in the Burial Sets of the Late Scythian Period of Tuva: the Result of Convergent Development or Traces of Intercultural Contacts	145
<i>Sirotin S.V., Bogachuk D.S., Okorokov K. S.</i>	
Pre-Caucasian and Don Parallels in Horse Harness Sets from the Barrow of Vysokaya Mogila – Studenikin Mar Burial Ground in the Southern Urals	155
<i>Stepanova Yu.V.</i>	
Necropolises of the 14 th -17 th as Markers of Rural Settlement in the Upper Volga Region	169
<i>Sukhanov E.V.</i>	
New Experimental Data on the Stability of Skills in Creating Clay Vessel Shapes and Prospects for their Application for the Study of Ceramics from Archaeological Sites	
<i>Tairov A.D.</i>	
Shikhan (Uba-Tau) Barrow: Construction and Destruction	187
<i>Usmanova E.R., Dmitriev E.A., Parshin Yu.V., Panyushkina I.P.</i>	
The Artifact-Sign in the "Landscape of Death" of the Funeral Rite of the Ulus of Jochi (Based on the Materials of the Excavations of the Karasuyr Complex in Ulytau, Central Kazakhstan)	197
<i>Uchaneva E.N., Malyutina A.A., Busova V.S.</i>	
Postmortem Skull Trepanations in the Tesino and Tashtyk Times (Minusinsk Valley)	216
<i>Faizullin A.A.</i>	
On the Need to Ttudy Ditches in the Barrows of the Yamnaya Culture	224
<i>Khanutina Z.V., Hrshanovsky V.A., Yatsenko S.A.</i>	
Sanctuaries of the Late Antiquity in Ilurat Plateau	233
<i>Chernykh E.M., Perevozchikova S.A.</i>	
Intentional Damage of Objects in the Funeral Rite of Udmurts of the 18 th -19 th cc.: Caring for the Dead or Magic?	247
<i>Shestopalova E.Yu.</i>	
Analysis of the Burial Structures of Alans of the Middle Ages	264

Shcherbakov N.B., Shuteleva I.A.

The Temporality of landscapes of Burial Complexes of the Late Bronze Age
based on the Materials of Burial Cemeteries around Usmanovo (Kazburun)
Village 273

List of Abbreviations 281

Намеренная порча предметов в погребальном обряде удмуртов XVIII–XIX вв.: забота об умершем или магия в мире живых?

*Черных Е.М.*¹

Удмуртский государственный университет,

Ижевск, emch59@mail.ru

Перевозчикова С.А.

Удмуртский государственный университет,

Ижевск, homasvet@mail.ru

Переход человека из одного мира в другой и в первобытном, и в традиционных обществах рассматривался как важнейшее событие, значение которого подчеркивалось особенностями ритуала погребения в целом. Пришедшее на смену язычеству христианство, даже если оно культивировалось сверху, с использованием всего арсенала государственных и церковных средств, не могло одномоментно вытеснить из традиционного мировоззрения многие устоявшиеся нормы и правила обращения с покойным родственником. Некоторые из них (обряды и ритуалы) трактуются как некие универсалии, восходящие чуть ли не к архаическому миропониманию, другие же с трудом поддаются прочтению. К числу таковых в традиционной культуре многих народов мира относится ритуал намеренного умерщвления (порчи) предметов. За данным явлением чаще всего видят извечное противопоставление мира живых и мира мертвых, либо стремление обезопасить живых от того вреда, который может нанести покойный.

В символике погребально-поминальной обрядности удмуртов, достаточно детально описанной и изученной этнографически, можно обнаружить оба указанных объяснения [1; 2]. Вместе с тем, по мере археологического изучения могильников удмуртов поздних средних веков и Нового времени нет-нет да обнаруживаются материальные свидетельства обрядовых практик, объяснение которым плохо вписывается в существующую парадигму. С этим пришлось

© Черных Е.М., Перевозчикова С.А., 2024

столкнуться и нам, когда в 2019 г. при строительных работах на территории с. Шаркан Удмуртской Республики был выявлен прежде не известный могильник XVIII–XIX вв.

В целом ряде могил были замечены очень интересные детали обрядности, значение и символика которых пока не поддаются удовлетворительному объяснению. Среди прочих любопытных явлений, связанных с новым некрополем, особый интерес привлекли случаи помещения в могилу кожаных рукавиц. Атрибутировать сами кожаные изделия, сохранившиеся в тяжелом и влажном глинистом грунте в виде бесформенных комков, удалось не сразу. Первоначально они были приняты нами за остатки разрезанных голенищ и носовых частей сапог. Но в результате последующей очистки изделий и консервационно-реставрационных работ выяснилось, что вместе с погребенными были уложены все-таки именно рукавицы.

Археологический контекст находок

Важно то, что в изученных нами 7 погребениях (№№ 2, 10, 11, 14, 22, 36, 40), найдены не цельные рукавицы, а порядком испорченные. Все перечисленные погребения принадлежали мужчинам старше 30 лет, за исключением одного – женского (погр. 11).

Рассмотрим археологический контекст находок без детального описания самих рукавиц, о которых авторам уже приходилось писать [3], с акцентом на признаки именно нарушения их целостности.

Погребение 2 (мужчина, 20-30 лет). В области левой руки найдены 4 крупных и 4 мелких фрагмента, предположительно, от левой рукавицы. Три крупных куска имели отношение к основе рукавицы; изделие было цельнокроеным, с одним боковым швом, размерами 14,5x24 см. Боковой тачной шов выполнялся строчкой с крупным шагом отверстий. У нижнего края видна тисненая полоса, шириной 6 см, с рисунком в виде чередующихся продольных полос и двойных волн.

Вместе с фрагментами, относившимся к рукавице, был расчищен еще кожаный ремешок с прорезью на широком конце и тисненым рисунком, таким же, что и на рукавице. Ремешок односторонний, с загнутыми под припуски продольными сторонами. По всей длине, за исключением застежки, ремешок пришивался к какой-то основе.

Погребение 10 (мужчина, 55+). От рукавицы, расчищенной в области левой руки (рис. 1), сохранились один крупный фрагмент основы и 9 мелких (часть напалка, вставной клин и неопределимые куски). Крупный кусок – нижняя удлинённая часть основы рукавицы, размерами 23x14-25 см. С одной из сторон сохранился боковой тачной шов, а по краю изделия – тиснённый рисунок, шириной 4,5 см из чередующихся полос и волн. С изнаночной стороны края рукавицы имеются отверстия от строчки, без загиба припусков. Таким швом могли крепить подкладку (?). На ещё одном куске основы также имеются следы тиснёных волн и линий, но композиция рисунка иная.

Таким образом, по найденным фрагментам можно предположить, что у умершего на левой руке были уложены разорванные детали двух рукавиц, но от разных пар.

Погребение 11В (женщина, 50+). Справа от черепа умершей обнаружен фрагмент верхней части рукавицы, размерами 18x7-8 см, с тачным швом по краю. Ещё один кусок кожаного изделия был использован в качестве емкости, в которую были завернуты 7 медных монет.

Погребение 14Е (мужчина, 40+). В могиле были расчищены останки одного взрослого и 5 детей. Фрагменты рукавиц были найдены в ногах и у черепа взрослого, слева; в одной из рукавиц (в изголовье) были спрятаны 3 монеты. Характерно, что в ногах умершего был найден также железный нож с обломанным концом.

В гроб с умершим были уложены верхние и нижние части основы, ластовица и несколько мелких фрагментов. Первый фрагмент нижней части рукавицы имеет удлинённую, слегка расширенную форму (рис. 2, б), ширина по нижнему краю – 34 см. По нижнему же краю оттиснут рисунок в виде чередующихся прямых и зигзагообразных линий. Интересны следующие детали. В центре основы были вырезаны два куса кожи круглой и неопределённой формы. Но при этом по краю вырезов имеется строчка, из чего следует, что вырезанные куски должны были быть пришиты обратно (?). Конечно, можно предположить, что мы имеем дело со следами ремонта. Но в таком случае выходит так, что заплатки в дальнейшем, но до помещения в

гроб, были отпороты (?). Второй фрагмент нижней части основы также имеет удлинённую форму, расширенную к низу (рис. 3, 5), шириной цельнокроеной части 36 см. По краю нанесено тиснение из чередующихся зигзагов и волн. Также имеются следы вторичного использования и ремонта (?). С одной из боковых сторон имеется заплатка. Весьма вероятно, что на рукавицу не хватило кожи при крое, поэтому был пришит дополнительный кусок. Рядом с заплаткой, около бокового шва рукавицы, имеется небольшая прорезь, длиной 1,5 см, с загнутыми вовнутрь краями – для пуговицы (?). И на этой основе также видны следы вторичного использования. В центре основы был вырезан кусок кожи для верхней части рукавицы. Но и здесь имеются следы строчки, свидетельствующие об обратном пришивании куска.

Те же метаморфозы можно наблюдать и на одной из верхних частей рукавицы (рис. 3: 3). Во-первых, она была обрезана до места большого пальца. Во-вторых, в ней имеется заплатка, вырезанная из того же куска рукавицы. Об этом свидетельствует тисненая полоса, проходящая по припускам. К тому же, сама верхняя часть была, в свою очередь, вырезана из нижней основы другой рукавицы (тисненный рисунок как раз проходил по краю рукавицы). Ширина этой рукавицы составила 11 см.

Одна из рукавиц была цельнокроеной. Крой ее верхней части изначально был прямоугольный, но сшивался с небольшим закруглением (рис. 3, 1). В отличие от рукавиц, описанных выше, здесь отсутствовала ровная строчка. По краю нанесены рваные отверстия от шила. На одной из сторон рукавицы имеется тиснение: чередование прямых и зигзагообразных линий. На обеих половинках верхней части рукавицы имеются следы обрезки. При этом к одной из обрезанных сторон в дальнейшем был пришит кусок кожи – по краю имеются следы строчки. Ширина рукавицы в пальчиковой части – 11 см.

Сохранилась еще одна верхняя часть правой рукавицы, шириной 12 см (рис. 3: 2). Имеется клиновидный подпалок длиной 5 см и шириной 3,2 см, со следами отверстий для строчки. Скорее всего, рукавица была сшивной из двух половин: верхней пальчиковой основы

и нижней, о чем можно судить по следам строчки по низу верхней части изделия.

В целом, можно предполагать, что в погребении были уложены как минимум по одной рукавице от трех разных пар.

Погребение 22 (мужчина, 20-30 лет). От рукавицы сохранился один крупный фрагмент и 12 мелких. Обрывок рукавицы с завернутыми в него монетами был помещен слева от черепа. По имеющимся обрывкам восстанавливаются пришивные детали пальцев и часть основы правой рукавицы. Напалки в верхней части имеют дугообразный симметрический выступ. Основа рукавицы представлена небольшим фрагментом, размерами 15,5x9 см.

Таким образом, в этом захоронении была уложена правая рукавица, но она использована в качестве кошелька для монет.

Погребение 36 (мужчина, 55+). Рукавицы были уложены на животе, под правой рукой мужчины. Сохранились: 3 фрагмента основы изделий, 5 деталей подпалков, 8 мелких неопределимых кусков.

Основа рукавицы представлена фрагментами плохой сохранности: определяется часть верхнего закругления, низ рукавицы с остатками тиснения, а также клин, образующий подпалок. Шов точной. Клин для пальца имеет треугольную форму. Тисненый рисунок, шириной 5,7 см нанесен по краю основы: состоит из полос со сложным переплетением поперечных и наклонных отрезков, точек и елочки. С изнаночной стороны изделия имеется строчка от пришитой подкладки (?). Судя по расположению клина-подпалка, это была правая рукавица. Вычленяется еще один кусок нижней части основы рукавицы, размерами 10,5x5,7 см. Судя по тисненому рисунку, из чередующихся продольных и зигзагообразных полос, он принадлежал другой паре рукавиц. Восстанавливаются размеры только одной из рукавиц – 15 x 25 см.

Погребение 40А (мужчина, 30-40 лет). В погребении были обнаружены около 30 средних и мелких фрагментов от кожаных рукавиц; находились справа, под бедром и тазовой костью захороненного (рис. 2).

От основы рукавицы сохранился фрагмент, размерами 13,5x12 см, с клиновидным подпалком длиной 4,5 см и шириной в основании 4

см. Пришивные детали для пальцев – напалки – сохранились полностью. Их размеры – 10,5х7,3 см и 9х6,7 см. Они имели овальную форму с двумя симметричными дугами в верхней части и небольшим заужением в нижней части (рис. 3, 4). Пришивались к основе тачным швом. К ним же пришивались небольшие клинья для придания объема. При этом, один из клиньев состоял из двух слоев кожи, сложенных ворсистой стороной внутрь.

В захоронении, таким образом, были уложены правая рукавица, шириной 13,5 см, вместе с отпоротыми напалками и деталями от другой рукавицы.

В погребениях удмуртов XVI–XIX вв. органика почти не сохраняется. Не случайно, Н.И. Шутова, проанализировавшая более 1150 погребений из 22 могильников, упоминает лишь единственный случай находки рукавиц в Можгинском I («Вужшай») могильнике XVIII в. [4 с. 69]. В случае с Шарканским могильником мы получили уникальные свидетельства не просто присутствия кожаных рукавиц в погребении, а именно намеренной порчи этих предметов обихода.

Этнографические свидетельства

Обычай помещать рукавицы в гроб покойнику описан в XIX в. у шарканских удмуртов Г.Е. Верещагиным, почти четверть века прослужившим учителем начальных школ в селах Шаркан и Сосновка: «Так как вотяки, особенно вотячки, вообще боятся мертвых, то как только кто расстался с душой, приглашают соседей; семейные оплакивают покойника, а приглашенные делают гроб, обмывают умершего, надевают на него чистое белье и на шею – медный крестик. Положив тело в гроб, кладут мужчине шапку, рукавицы, деньги, коточик и, кто курил табак, трубку и пр., приговаривая, что пусть он там не нуждается в этих вещах ...» [5 с. 45]. Ему вторит священник Ст. Крекнин, подчеркивая устойчивую веру вотяков в загробную жизнь: «Нам лично неоднократно доводилось в церкви требовать, чтобы с покойника сняли шапку и рукавицы» [6 с. 552]. В соответствии с традиционным мировоззрением удмуртов царство мертвых (вечная страна холода) находилось в полуночной стороне – уйшор палан [7 с. 156-157].

Дискуссия

В традиционных представлениях удмуртов о смерти явно присутствует амбивалентность в обращении с умершими: «для удмуртов не было клятвы сильнее, чем клятва их умершими предками, которых они очень боялись и всячески почитали» [7 с. 152]. Умершие предки могли защитить живых, обеспечить им благополучие в реальной жизни, но при определенных обстоятельствах могли мстить, насыщать порчу и болезни. От всех предметов, которых покойный касался перед смертью, надлежало избавляться [2 с. 201]; у удмуртов существовали специальные места (куркуян), куда выбрасывали вещи умерших. С другой стороны, загробная жизнь представлялась продолжением земной, поэтому умершим предкам могли потребоваться все необходимые в хозяйстве предметы: пища и одежда, любимые вещи, монеты. Но поскольку мир мертвых являлся зеркальным отражением мира живых, все обряды похоронно-поминального цикла удмурты выполняли против течения реки, против хода солнца, вещи давали покойнику сломанными, бросали в могилу лоскутки тканей, нитей [2 с. 209].

Среди преднамеренно погнутых или обломанных вещей, сопровождавших покойника в погребениях XVI–XIX вв., чаще встречались колюще-режущие предметы – ножи, резе – ножницы, кресала, серпы, косы, кочедыки, пряжки, фрагменты стеклянной посуды [2 с. 118]. Н.И. Шутова полагает, что сопровождение умерших испорченными (поломанными) вещами символизировало идею будущего вторичного рождения вещи в ином мире [2 с. 202].

В то же время в традиционных удмуртских заговорно-заклинательных практиках известно использование отдельных фрагментов прежде целых вещей, частей старых вещей [2 с. 199], которые, безусловно, наделялись исполнителями магическими свойствами. Близкими, но особыми свойствами наделялись лоскутки, обрывки нитей. В определенных случаях они могли заключать в себе душу живого или мертвого владельца; их использовали в качестве подарков и оберегов, для избавления от болезней, сглаза и других несчастий [2 с. 183-184]. На том же Шарканском могильнике в четырех

погребениях были обнаружены железные скобы для подвешивания топора к поясу, но сами топоры не встретились ни разу. По-видимому, в этом явлении также можно видеть веру удмурта в возможность восстановления целостности вещи в потусторонней жизни, хотя нельзя абсолютно исключить и крестьянский практицизм – железный топор мог еще пригодиться в хозяйстве.

В погребениях шарканских удмуртов за случаями порчи рукавиц просматривается ритуал, явно имевший символический характер. Прежде всего, обращает внимание присутствие практически во всех погребениях (за исключением двух – пп. 2 и 22) непарных рукавиц. Выходит, что в гроб помещали по одной рукавице от разных пар? Почему же нарушена парность предметов? Если речь должна идти лишь о части души покойного, тогда кому доставалась другая ее часть? Может быть, родственникам – чтобы не прервалась нить связи с предком? Каким было дальнейшее использование предметов, оставшихся в мире живых? Вряд ли в хозяйстве. В каких-то обрядовых практиках? Возможно, перед нами элементы утраченных магических представлений, опиравшихся на веру в сверхъестественную способность человека (умершего предка) влиять на силы природы, предметы, животных, судьбу людей, или манипулировать ими с помощью заклинаний, амулетов и определенных обрядов. Люди обращаются к ним в тех случаях, когда необходимо снять чувство беспокойства за себя или близких, неуверенности или страха перед необъяснимыми бедствиями [8 с. 90]. Наверное, не случайно, в 5 из 7-ми случаев погребения принадлежали взрослым и очень пожилым мужчинам, явно домохозяевам, главам больших крестьянских семей.

Вернемся к Шарканскому могильнику. Он находится в черте современной плотной застройки села, на левом берегу р. Малый Шаркан (местн. назв. Галичевка), недалеко от места ее впадения в р. Шаркан. 100 лет назад, на рубеже XIX–XX вв. это была северная окраина села. Здесь заканчивалась главная улица села – Церковная. Сельские усадьбы на ней принадлежали почти исключительно церковному причту. Церковь располагалась в другом конце улицы. Она была построена и освящена в 1838 г. в честь Св. апостолов Петра и

Павла [9 с. 293], причем, как следует из источников, о строительстве храма хлопотали сами новокрещенные удмурты, вынужденные ходить в церковь за 40-50 верст, обещавшие «давать причту приличное содержание и предоставлять квартиры до постройки домов». Нынешние жители села о старых захоронениях либо ничего не знали, либо (если и слышали) очень осторожно ссылались на упоминания хозяев прежних домов об эпизодических находках человеческих костей при копке ям-погребов. Один из местных, довольно молодых, краеведов рассказал, что его мать, собрав в погребке какие-то кости и бусинки, пришла к местному священнику за советом. Тот настоятельно посоветовал «отнести их подальше в лес, закопать и никому не рассказывать»!

Раскопками было изучено 42 погребения с 66 костяками. Могилы располагались разреженно в рядах, вытянутых меридионально. Большая часть погребенных на момент смерти являлись паствой православной церкви, что манифестируют нательные кресты, найденные на 24 костяках в 17 могилах (около 45% от изученных могил). Показательно также, что более половины найденных крестиков (14) принадлежали детям. Одновременно велика доля погребений с инвентарем (75%), в котором, помимо нательного креста, находились предметы быта, орудия, украшения и аксессуары костюма, что свидетельствует о довольно прочных языческих традициях в данной социальной группе.

В нескольких шарканских погребениях удалось установить характер погребальных конструкций: узкие ящики или рамы из еловых сучковатых полубревен. Ориентировка умерших – головами на ЮЗ или З. Для дохристианских могильников удмуртов господствующей была северная ориентация; в погребениях XVIII в. с заметным христианским влиянием более частыми становятся случаи юго-западной и западной ориентации [4 с. 65, табл. 7]. Следованием христианскому канону можно считать и относительно большую глубину захоронений [4 с. 60].

Количество мужских и женских захоронений в изученной выборке примерно равное – 15 и 12. Средний возраст смерти 40 лет. Среди умерших мужчин абсолютно преобладают пожилые – старше 45 лет (их 10). Совсем нет молодых мужчин призывного возраста. Среди женских костяков около половины принадлежали особям детородного

возраста – 20–30 лет. Высока доля детских захоронений – 59 %, причем 32 из них (т.е. более 82 %) принадлежали новорожденным и детям до 2-х лет.

Подзахоронения родственников в существующую могилу и нарушения одной могилы другой установлены в единичных случаях, хотя, несомненно, бросается в глаза количество коллективных захоронений (16 могил, 39 %). Столь высокий показатель зафиксирован впервые. В большинстве случаев это были совместные захоронения взрослых с детьми: женщина (или две женщины) с детьми (7 сл.), мужчина с детьми (3 сл.). А вот факты более позднего помещения детей в могилу установлены лишь трижды (по разрушению частей основного скелета в месте подзахоронения или уровню размещения – выше основного).

Время захоронений на могильнике было установлено по монетам, найденным в 38 из 42 могил. Самая старшая монета датирована 1746 г., самая младшая – 1840 г. Время выпадения монет в захоронения в целом хорошо согласуется с историческими источниками. Известно, что удмурты д. Лонлесь Докья (после 1838 г. это село Шаркан) относились к православному приходу с. Чутырь, открытому не ранее 1752 г.¹ В материалах II ревизии (1744-1747 гг.) они были записаны как язычники, а вот III ревизия 1762-64 гг. указывает их как крещеных [10 с. 171, 214]. Полагаем, что захоронения на выявленном могильнике принадлежали тем самым обратившимся в православие удмуртам, хоронить которых на прежних языческих кладбищах не полагалось. Позднее, со строительством церкви и открытием самостоятельного прихода, принимаемые государством и церковью меры по «недопущению совращения новокрещеных вотяков в язычество» привели к тому, что захоронения по церковным предписаниям стали осуществляться на новом приходском кладбище, а старое было заброшено [11 с. 81–85]. Даже место старого кладбища отводится под усадьбы церковного причта.

---

¹ Самостоятельный приход в Шарканской волости был выделен в 1837 г., очевидно, что этому способствовало увеличение числа новокрещеных среди местных удмуртов.

Шарканское кладбище наглядно иллюстрирует непростой процесс вхождения удмуртов в православную веру. Как показывает археологический материал, на кладбище хоронили с соблюдением родственных связей, не разделяя тех, кто принял новую веру и тех, кто под видом ее покорного принятия продолжал придерживаться языческих обычаев.

Выводы

Все найденные рукавицы были сшиты из яловой кожи и сопровождали взрослых мужчин. Чаще с умершими была уложена лишь одна рукавица, причем чаще правая. Длина рукавиц составляла 25 см, ширина 14–15 см. Все найденные изделия имеют один тип края: цельнокроеные (за исключением единственной рукавицы из погр. 14), с расширением основы в нижней части. Все детали изделий были сшиты тачным швом. При нанесении отверстий для строчки мастерами, скорее всего, использовалось шило с разметочным колесом. Об этом свидетельствует ровная строчка практически на всех рукавицах. Исключение составляют рукавицы из погребения 14, где сама строчка неровная, а отверстия от иглы рваные – скорее всего, использовалось обычное шило. Края рукавиц украшались тисненым рисунком из полос, зигзагов и волн, шириной 4–6 см. Описанные формы рукавиц хорошо известны в литературе. В XVIII–XIX вв. они использовались повсеместно в сельских и городских поселениях России [12 с. 59; 13, с. 6;].

Удмуртские крестьяне, в отличие от русских, даже во второй половине XIX в. предпочитали собственное домашнее производство. В Сарапульском уезде, например, скорняжным делом занимались 536 русских мастеров, но всего 23 мастера-удмурта [14 табл. 1]. Качество же найденных в Шарканском могильнике рукавиц позволяет думать, что они могли быть изготовлены именно такими мастерами, но рукавицы из погр. 14 изготовлены, скорее всего, местным деревенским умельцем.

Более сложным представляется поиск ответов на вопрос о месте и знаковой функции рукавиц в погребальном ритуале, о причинах и характере манипуляций, которые производились с ними при погребении. Если похороны удмуртов в валенках, шапке и рукавицах

засвидетельствованы этнографически, то ритуал порчи не описан нигде. Тем не менее в изученных удмуртских могильниках XVI-XIX вв. исследователи отмечали бытование в погребальном инвентаре признаков намеренной порчи отдельных предметов, главным образом, железных ножей (Ореховский могильник XVI в. – 3 случая из 17; Малиновский могильник XVI-XVII вв. – 1 случай на 74 погребения; Нязь-Ворцинский могильник XVI-XVIII в. – 5 из 108; Пуро-Можгинский могильник XVII-XVIII в. – 8 из 92; Ципьинский могильник XVII-XIX вв. – 1 случай на 16 изученных захоронений). То есть, говорить о какой-то чрезвычайно распространенной традиции в этот период у удмуртов не приходится.

Выразительные свидетельства использования кожаных рукавиц в погребальном обряде шарканских удмуртов XVIII–XIX вв., безусловно, указывают как на утилитарные, так и семантические аспекты погребальной обрядности в период трансформации их религиозных представлений. Переход из одной веры в другую мог быть отягощен не только психологическими моментами, но и обстоятельствами, не зависящими от новокрещеных, например, болезнями, эпидемиями, уносившими порой целые семьи и деревни. Так анализируемые нами погребения с кожаными рукавицами датированы в интервале от 1821 до 1840 гг. В Вятской губернии 11 лет из 20 были «голодными», 12 – отмечены эпидемии (холера, оспа, цинга, дизентерия и др.) [15 с. 413-426].

Обращение к прежним магическим обрядам, заклинаниям, помощи умерших предков, наконец – являлось своего рода попыткой противопоставить их страху, используя, пусть и первобытные, но гибкие формы адаптации к любым ударам природы или общества.

Литература

1. Атаманов М.Г., Владыкин В.Е. Погребальный ритуал южных удмуртов (конец XIX – начало XX вв. // Материалы средневековых памятников Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Устинов: УдНИИ, 1985. С. 131-152.

2. *Шутова Н.И.* Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 304 с.

3. *Черных Е.М., Перевозчикова С.А.* Кожаные рукавицы в погребальном обряде удмуртов (по материалам Шарканского могильника середины XVIII – середины XIX в.) // Взаимодействие этносов и культур в евразийском межцивилизационном пространстве (к 90-летию Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН). Ижевск: УдмФИЦ УрО, 2021. С. 124-135.

4. *Шутова Н.И.* Удмурты XVI – первой половины XIX в.: по данным могильников. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. 264 с.

5. *Верецагин Г.Е.* Вотяки Сосновского края // Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1 / Отв. за выпуск Г.А. Никитина. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. 260 с.

6. *Крекнин Ст.* Вотяки Глазовского уезда и краткий очерк христианской миссии среди них // Вятские епархиальные ведомости. Вятка, 1889. № 11. С. 542–563 / Коробейников А.В., Чураков В.С. Православные священники об удмуртах: аннотированная хрестоматия, <<http://books.google.ru/books?printsec=frontcover&id=J2FhWSyuKLOc>>.

7. *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.

8. *Кабо В.Р.* Круг и крест: размышления этнолога о первобытной духовности. М: Вост. лит., 2007. 328 с.

9. Православные храмы Удмуртии. Справочник-указатель по документам Центрального государственного архива Удмуртской Республики / Сост. И.Н. Зайцева, Г.И. Самарцева. Ижевск: Удмуртия, 2000. 480 с.

10. *Пислегин Н.В., Чураков В.С.* Населенные пункты Удмуртского Прикамья XVII – середины XIX в. Ижевск: УдмФИЦ РАН, 2020. 784 с.

11. *Черных Е.М.* Последние язычники и первые христиане среди удмуртов в контексте погребального обряда Шарканского могильника второй пол. XVIII – начала XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 69. С. 81–85.

12. *Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Курбатов А.В.* Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001-2017 гг.). Нефтеюганск-Екатеринбург: Издательство АМБ, 2011. 216 с.

13. *Колосницына Е.Е., Колосницын П.П.* Кожаные рукавицы из раскопов Старой Руссы // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2019. № 6 (24). С. 1–7.

14. *Лигенко Н.П.* Крестьянская промышленность удмуртов во второй половине XIX в. // Хозяйство и материальная культура удмуртов в XIX–XX веках / сост. и отв. ред. Г.А. Никитина. Ижевск, 1991. С. 63–86.

15. *Борисенков Е.П., Пасецкий В.М.* Летопись необычайных явлений природы за 2,5 тысячелетия (V в. до н.э. – XX в. н.э.). Санкт-Петербург: Гидрометеиздат, 2002. 536 с.

Научное издание

Следы явлений и процессов
в археологических памятниках

*Материалы
международной научной конференции
(Пятигорск, 8-10 апреля 2024 г.)*

Оригинал-макет:

*С.А. Яценко (Российский государственный гуманитарный
университет),
Е.В. Куприянова (Челябинский государственный университет)*

Отпечатано с готового оригинал-макета

Подписано в печать 22.03.2024 г.

Формат 60x84 1/16.

Уч.-изд. л. 9,99. Усл. печ. л. 16,39.

Заказ № 125. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Печатный двор»:
355000, г. Ставрополь, ул. Ленина, 276. 2024 г.